

Двойной
Артефакт
ДЕТЕКТИВ

Наталья Солнцева

ИСПАНСКИЕ
ШАХМАТЫ



ВЕНЕРА
ЧЕЛЛИНИ



ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 60

Оформление серии *Д. Сазонова*

Оформление обложки *Ю. Щербакова*

Солнцева Н. А.

С 60 Испанские шахматы ; Венера Челлини : романы / Наталья Солнцева. — М. : Эксмо, 2013. — 512 с. — (Двойной артефакт-детектив).

ISBN 978-5-699-65011-8

«Испанские шахматы»

Скромная девушка с необычным именем Греза совершенно бескорыстно ухаживала за своей соседкой и даже не могла предостеречь, что ее обвинят в смерти старушки! Неужели все дело в старинных испанских шахматах, которые достались ей по наследству? Они были сделаны в XVI веке по заказу знатного сеннора, и цыганка якобы наделила фигурки жизненной силой — чтобы исполнилось желание, надо сначала разыграть его на шахматной доске. Но при этом кто-то должен будет умереть...

«Венера Челлини»

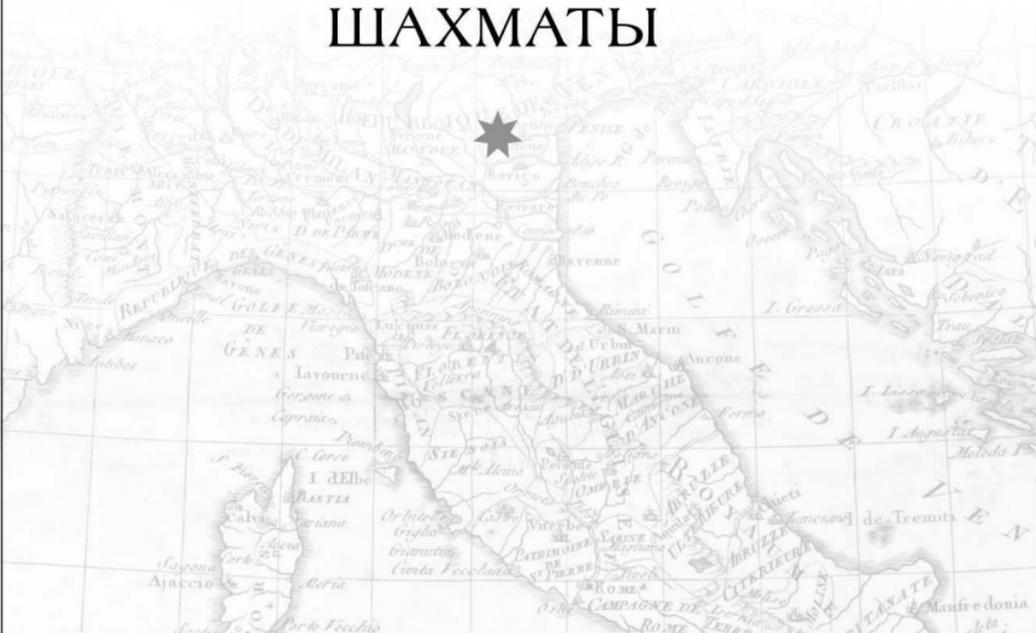
На подмосковной даче убит Денис Матвеев, тайный советник бизнесменов и политиков. Наделенный даром предвидения, он без труда раскрывал самые запутанные дела. И только свою смерть не сумел предугадать... Орудием преступления стала бронзовая статуэтка Венеры, изготовленная итальянским мастером Бенвенуто Челлини в XVI веке. По легенде, «Обнаженная Венера» наделяет владельца неиссякаемой любовной силой, но потом приносит несчастье и гибель...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-65011-8

© Солнцева Н.А., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ИСПАНСКИЕ ШАХМАТЫ



Мир я сравнил бы с шахматной доской;
То день, то ночь. А пешки? Мы с тобой.
Подвигают, притиснут — и побили.
И в темный ящик сунут на покой.

Омар Хайям

Валенсия, XVII век

Весна в Валенсию приходит рано: уже в феврале расцветают апельсиновые и мандариновые деревья, с плоскогорий дует теплый ветер, и море дышит слабым запахом соли и водорослей.

Неподалеку от монастыря Святого Франциска располагалась маленькая уютная усадьба — красивый дом с каменными лестницами и фонтаном во дворе, окруженный садом. У входа росли миндальные кусты и белый шиповник. Две служанки во дворе чистили рыбу на обед для именитых гостей.

— Жалко нашу госпожу, — всхлипнула одна из них. — Она была так добра к нам!

— Душа госпожи теперь в раю, — вздохнула резвая толстушка Кармела. — А что будет с бедняжкой Фернандой? Ее покровительница умерла, оставив девушку без гроша и крыши над головой.

— Фернанду выдадут замуж за богатого старика, ведь о ее красоте судачат по всему побережью. Сеньор Диего уже два раза сватался, а она ему отказывала.

Кармела отряхнула с рук рыбу чешую и кровь, вытерла ладони о фартук. Ее неряшливость раздражала пожилую служанку, но на сей раз она смолчала — не до придинок нынче. Скоропостижная смерть хозяйки повергла слуг в искреннюю печаль. Особенно все сокрушались по поводу дальнейшей судьбы молоденькой воспитанницы покойной, миловидной длинноволосой Фернанды. Смирным нравом и приветливостью

8 девушка снискала всеобщую любовь. Разве что хозяйский управляющий, пузатый одышливый старик, ненавидел ее. Несмотря на возраст, он обожал похотливые развлечения и норовил каждой девице заглянуть под юбку. Попытка приударить за Фернандой окончилась для сластолюбца звонкой пощечиной, сопровождавшейся заливистым хохотом дворни. Управляющий затаил на девушку злобу. Теперь, когда ее заступница беседует с ангелами на небесах, он усмирит упрямую девчонку!

Фернанда, чувствуя исходящую отовсюду угрозу — с одной стороны, посягательства управляющего, с другой — сватовство ненавистного сеньора Диего, — хотела только одного: чтобы ей позволили уйти в монастырь. Увы, об этом не могло быть и речи. Сеньор Диего пообещал за нее кругленькую сумму, и родственники покойной госпожи не захотят с ним ссориться. Они ведь почти разорены, а он богат и влиятелен.

Ночью после похорон девушка сбежала из дома, который приютил ее, захватив с собой узелок с одеждой и сундучок с шахматами, единственной вещью, подаренной ей перед смертью доброй сеньорой.

— Мои силы на исходе, — прошептала госпожа, сделав воспитаннице жест приблизиться. — Я ухожу, Фернанда... покидаю тебя. Не плачь, дитя... Судьба смилостивится над тобой, я знаю. — Она поманила девушку пальцем, чтобы та наклонилась к самому изголовью. — Мой дом и все имущество уйдут в уплату за долги... Мне нечего оставить тебе, и потому мое сердце обливается кровью. Но у меня есть одна... реликвия, доставшаяся мне от хорошего человека.

Больная задыхалась, слова с хрипом вырывались из ее уст, а грудь судорожно вздымалась.

— Молчите... — рыдала Фернанда. — Вам нельзя говорить!

— Мне... уже можно... все. Слушай, не перебивай. Возьми шахматы, которыми мы играли... Они... принесут тебе удачу.

— Шахматы? Они же дорогие, их можно про- 9
дать и... уплатить часть долгов.

Губы умирающей дрогнули в улыбке.

— Они... не продаются. Бери шахматы, они твои... по праву. Ты... скрасила мою старость, дорогая Фернанда... заменила мне дочь. Они твои. Эти... шахматы...

Больная порывалась еще что-то сказать, но удушье помешало ей. Позвали врача, но лекарства более не помогали, и к утру господь призвал к себе душу праведницы.

После кончины хозяйки девушка забрала деревянный резной сундучок с шахматами в свою комнату. Она не могла смотреть на них без слез. Все прекрасное в ее жизни закончилось навсегда, и только эти шахматы будут напоминать ей о счастливейшей поре ее беззаботной юности.

Прижимая к груди заветный сундучок, Фернанда дождалась темноты, выбралась из окна в сад, перелезла через забор и поспешила к монастырю. Там проходила дорога, и, может быть, ей удастся уехать подальше отсюда на какой-нибудь крестьянской телеге.

Вопреки ее надеждам дорога была пустынна, залитая лунным светом, она зловеще серебрилась. Вокруг — ни души. С черного неба на девушку неодобрительно взирало ночное светило. Монастырская стена и выступающие над ней башни отчего-то вызвали у беглянки суеверный ужас. Она совершает великий грех, послушавшись старших, которым ей надлежало покориться. Она будет сурово наказана!

Стук лошадиных копыт по камням показался ей сладкозвучной музыкой — на дороге появилась крытая повозка. Фернанда радостно встрепенулась, но тут же, приглядевшись, сжалась от испуга. Неужели цыганская кибитка? Цыган-фламенкос в Валенсии побаивались, у них был черный глаз, и они занимались магией, что жестоко каралось церковью. «Пришла расплата за мои грехи! — подумала девушка, и волосы зашевелились у нее на голове. — Эти страшные люди утащат меня

10 в преисподнюю, навеки погубят мою душу!» Деваться, однако, было некуда, идти одной по дороге значило стать легкой добычей для разбойников или, того хуже, насильников. Поэтому Фернанда, перекрестившись, пошла навстречу кибитке...

От усталости и волнения она почти не помнила, как забралась в повозку, примостилась на ворохе пахнущего конским потом тряпья и уснула. Старая усатая цыганка склонилась над ней, обратив внимание на сундучок. Ее глаза засверкали. Она простерла над головой девушки высохшую заскорузлую руку, и та в ужасе проснулась, отпрянула.

— Не дергайся, — сипло засмеялась старуха. — Спи. Тебе не о чем беспокоиться.

— Я не знаю, что со мной будет... — невольно призналась Фернанда. — Мне некуда идти.

— Все образуется. Хочешь узнать свое будущее? — ухмыльнулась цыганка. — Только мы, фламенкос, на завтрашний день не гадаем. Мои предки учились своему ремеслу в тайных святилищах Исиды и Тота.

— К-кто эт-то? — стуча зубами, едва выговорила Фернанда.

— Великие боги Древнего Египта.

— Это все ересь... грех...

Цыганка обнажила редкие, острые, как у рыси, зубы — она то ли смеялась, то ли скорчила жуткую гримасу. В ее зрачках разгорался черный огонь. Девушка ахнула, попыталась зажмуриться, но не смогла.

— Хочешь, я же чувствую, — прошипела ужасная старуха, пригвоздив ее к месту пылающим взглядом. — Любой смертный мечтает узнать свою судьбу. Разве не интересно, что будет с тобой через десять, двадцать лет? А через два, три века?

В теле Фернанды помимо ее воли разливался сухой жар, а ноги и руки, наоборот, оледенели и потеряли чувствительность. Глаза сами собой без малейшего ее усилия закрылись, и все поплыло: цыганка словно растаяла... Кибитка растворилась в черноте ночи...

Весна запаздывала. В Санкт-Петербурге местами все еще лежал снег. По Неве, по мутным водам мелких рек и каналов плавало ледяное крошево. Бледные фасады домов, словно написанные грязной пастелью, сонно тянулись вдоль набережной. Холодные волны плескались о заплесневелые камни. С залива дул порывистый ледяной ветер.

Грёза стояла на маленьком тесном балкончике, открытом всем дождям и мокрому снегу, и зябко поеживалась. Опять ее одолевала тоска — никуда не хотелось идти, ничего не хотелось делать: лежать бы и лежать под ватным одеялом, слушать, как тихо, заунывно гудит газовая печка и мурлычет толстый кот Никон. Грёза кормила его куриными потрошками и мелкой рыбешкой, до которой Никон был большой охотник.

Дом, где она проживала, подлежал капитальному ремонту, и многие жильцы выселились, остались только те, которым переезжать было некуда. Им обещали предоставить отдельные квартиры, а пока впереди маячили обшарпанные комнатухи в общежитии на краю города, куда Грёза, две глухие старушки, многодетная семья и парень-сосед переезжать отказывались наотрез.

Грёза замерзла, слегка взбодрилась и вернулась в гостиную с высоким потолком, с лепными карнизами, истертым паркетом на полу и полукруглым окном, завешенным плюшевой шторой.

— Имечко тебе родители придумали — закачаешься! — подшучивал над ней сосед. — Грёза! Что это значит?

— Мечта или призрачное видение, — отвечала она. — Папе взбрело в голову, он и назвал. Он у меня знаменитым артистом был!

На самом деле Грёза выросла в детском доме, ни папы, ни мамы сроду не знала, а жилье ей досталось в наследство от умершей пару лет назад бабульки, за которой она ухаживала. Девушка по-настоящему при-

12 вязалась к старушке, полюбила ее, как родную, наполнила теплом и заботой последние дни одинокой хозяйки двух комнат с трещинами на стенах и огромной гулкой кухни с допотопной плитой, круглым столом и коллекцией закопченных керогазов.

Мебель в квартире была видавшая виды, повсюду висели черно-белые фотографии в рамках: дети в пионерских галстуках и военные с орденами и медалями. На этажерке, на буфете, на тумбочках стояли вазы с засушенными цветами бессмертника, а выдвижные ящики шкафа и комода ломались от пыльных коробок и катулок, поломанных будильников, шерстяных клубков, пожелтевших журналов, фетровых шляп, старых носков и варежек, от которых разило нафталином.

Все родственники старушки погибли на фронте или умерли в блокаду, сама она чудом уцелела, но так и не избавилась от страха голода и холода, поэтому накапливала всякий хлам — от поношенной одежды до керосиновых ламп и книг с оборванными корешками.

— Гляди не выбрасывай, — поучала она Грёзу. — На растопку пригодится.

Девушка не спорила. Дряхлая и капризная Фаина Спиридоновна заменила ей семью, которой у Грёзы никогда не было. Когда одним хмурым петербургским утром старушка не смогла встать с постели, она попросила Грёзу вызвать на дом нотариуса, отписала ей все нажитое, включая квартиру, и через пару дней тихо угасла. Девушка оплакивала умершую так безутешно, словно утратила вместе с ней что-то невозполнимо дорогое, чего у нее теперь никогда не будет.

Имущество старушки доброго слова не стоило, и сосед не раз предлагал Грёзе нанять машину и вывезти всю эту рухлядь на помойку. Но та не могла расстаться не только с никчемными вещицами, но даже с прожавелыми керогазами и пыльной макулатурой. Ей казалось, что этим варварским действием она предаст память близкой души, разорвет ту слабую ниточку, которая все еще связывала ее с покойной.

Единственной ценностью в квартире была 13 большая, сделанная в форме сундучка, коробка с шахматами. Каждая фигурка, изготовленная из бронзы, черного дерева, слоновой кости и перламутра, имела вид человечка в старинном одеянии. Пешки-солдаты, воины на слонах, рыцари в доспехах, звездочеты на башнях, всадники, королева-ферзь с роскошным воротником и диадемой на распущенных волосах, величественный король в мантии. Для полного комплекта не хватало четырех фигурок: черного ферзя, двух белых пешек и белого короля. Наверное, потерялись в годы войны, блокады, а может, и революции.

Грёза работала в социальной службе, получала копейки, но не роптала и не переносила недовольство жизнью на своих подопечных. Собственно, никакого недовольства она и не испытывала: крыша над головой есть, на кое-какую одежду и еду хватает — что еще надо? Годы, проведенные в детском доме, научили ее ценить одиночество и довольствоваться скудными дарами судьбы. Ей хотелось бы иметь семью, близких людей рядом, но только если они не станут ее притеснять, навязывать свои принципы и заставлять ее делать то, что другие считают правильным.

Грёза росла в шумном, разношерстном коллективе, где каждый — от воспитанников до воспитателей и спонсоров — стремился так или иначе подавить ее индивидуальность и привить «общественную мораль». Она чудом избежала усредненности и сумела сохранить свое лицо. Она не хотела больше быть обязанной никому и возненавидела благотворительность. Она тяготилась коллективными празднованиями и мечтала об уединении. Она хотела сама себе покупать подарки, а не получать их из рук представителей различных фондов и церкви. Она жаждала зарабатывать на жизнь собственным трудом и не нуждаться в подачках. Она имела в душе достаточно милосердия, чтобы оказывать его другим, а не получать самой. Она невыразимо устала от сочувственных взглядов, горестных вздохов

14 и покровительственных напутствий. По ночам ей снилась свобода — от всевозможной опеки, от чужого куска хлеба, от необходимости подчиняться и ломать себя.

Возможно, поэтому Грёза с удовольствием ухаживала за немощными стариками, которые были рады ее участию, доброму слову, нехитрой заботе и видели в ней желанного собеседника, близкого человека, призванного скрасить их печальный близкий уход. Она была их ангелом, их прощальной благодатью, и это ей нравилось. Некоторые старики имели семью, детей, которые совершенно забыли и забросили их; некоторые давно потеряли родных и отвыкли от ласки и человеческого тепла, озлобились, замкнулись, погрязли в своем одиночестве и болезнях. Все они напоминали Грёзе о милосердии и любви, в которых человек особо нуждается как в первые, так и в последние свои дни на земле. Почему приход в этот мир и уход из него наполнены болью?

Ответа на этот вопрос Грёза не знала. Как не знала она многих вещей: счастливого детства, родителей, хорошего отдыха, возможности покупать и носить красивую одежду, есть то, что хочется, а не то, что дешевле, и еще... бесчисленных естественных проявлений дружбы, понимания и приятия. У нее не было домашних животных, смешных коллекций значков или марок, альбомов с семейными фотографиями, личных игрушек, велосипеда, коньков, роликов... Легче перечислить то, чем она владела, чем то, чего судьба ее лишила. Только теперь, когда Грёза вышла из стен детского дома и получила профессию социального работника, у нее появились свои деньги, свое жилье и даже кот Никон, доставшийся ей в наследство вместе с квартирой.

Могла ли она добровольно расстаться хоть с чем-нибудь из сих благ, включая пропахший многолетней пылью и средством от моли хлам? Для нее этот ветхий, переживший свою хозяйку скарб являлся вовсе не

рухлядью, а символом некоего домашнего очага, 15
якоря, который определяет место человека в су-
ете и лихорадке современного мира. Каждый корабль
должен иметь свой причал, куда он может вернуться
из любых странствий и где каждая доска, каждый про-
ржавелый крюк и обросший водорослями камень —
священны.

После смерти Фаины Спиридоновны девушка взя-
ла на попечение двух оставшихся в доме старушек —
убирала у них в комнатах, носила белье в прачечную,
готовила диетическую пищу, приносила им продукты
и лекарства, вызывала врача, выслушивала их испове-
ди, советы и жалобы, потакала их капризам.

По вечерам Грёза приходила к себе, на скорую руку
готовила ужин, кормила Никона и включала телевизор.
Лежа на диване с просевшими пружинами и рассеян-
но взирая на экран громоздкого допотопного «Рубина»,
она отдыхала.

— Купи себе новый телик! — неоднократно предла-
гал сосед. — Не хватает денег, я одолжу. Или возьми
в кредит.

Парень торговал на вещевом рынке кроссовками,
получал приличную зарплату и время от времени пре-
подносил симпатичной соседке подарки — то конфет
купит, то фруктов, то вина. Грёза принимала его под-
ношения настороженно и не отказывалась только из-
за старушек, которых тайком подкармливала из своих
запасов. Но взять у Виктора деньги на телевизор она не
решалась, а слово «кредит» вызывало у нее панический
страх.

— Не надо мне телевизора, — упрямо отказывалась
Грёза. — Да и смотреть нечего. Мыльные сериалы я не
люблю, а от хороших фильмов только слезы проливаю.
Лучше не бередить душу.

— Сходила бы куда-нибудь, — удивлялся парень ее
несговорчивости. — На дискотеку, например. Не на-
доело со старыми бабками возиться да сидеть одной